

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

БОЕВЫЕ АСЫ НАРКОМА

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Боевые асы наркома

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Боевые асы наркома / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-174042-9

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Общий тираж книг А. Тамоникова — более 10 миллионов экземпляров. Лето 1943 года. В районе Курска готовится крупная стратегическая операция. Советской контрразведке становится известно, что в наших тылах к этому моменту тайно сформированы бандеровские отряды, которые в ближайшее время активизируют диверсионную работу, чтобы помешать действиям Красной Армии. Группе Максима Шелестова поручено перейти линию фронта и принять меры к разобращению националистической среды. Операция внедрения разработана надежная, однако выживать в реальных боевых условиях каждому участнику группы придется самостоятельно... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». — С. Кремлев Одна из самых популярных серий А. Тамоникова! Романы о судьбе уникального спецподразделения НКВД, подчиненного лично Л. Берии.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174042-9

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Боевые асы наркома

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Летнее солнце повисло над лесом и будто зацепилось за пышные кроны. Оно никак не хотело заходить, заливая леса и поля золотом своего сияния. Природа затихла в преддверии теплого вечера, лишь на востоке слышалась канонада. Говорят, что страшные бои развернулись где-то под Курском. То ли Красная армия погнала фашистов, то ли фашисты снова ринулись к Москве. Никто толком ничего не знал. Здесь, под Харьковом, трудно было узнать правду. Немецкая пропаганда говорила, что советские войска вымотаны в обороне, что их наступательный пыл иссяк и вермахт вот-вот нанесет сокрушительный удар и «красные орды» покатаются на восток, бросая оружие и знамена. Оуновцы говорили разное, да и сама среда националистов была разношерстной. Кто-то из идейных борцов под крылом представителя Армии Краевой ратовал за новое украинское государство и вечную дружбу с фашистской Германией, которой скоро покорится весь мир, кто-то более скромно и негромко поговаривал о том, что настоящая свобода возможна только без большевиков и гитлеровцев. А кому-то было все равно. Лишь бы было в руках оружие, лишь бы воля была и горилки побольше. И чтобы не мешали пускать кровь и жидам, и краснопузым, и ляхам, посягнувшим на украинскую свободу.

Андрей остановился, продолжая держать девушку за руку, и снова посмотрел на восток. Его пальцы непроизвольно сжали пальчики Оксаны. Девушка шагнула к Андрею и прижалась щекой к его плечу.

– Страшно, Андрийка, – тихо сказала Оксана. – И сейчас страшно, и потом будет страшно. Сколько горя выпало на долю простого народа, сколько всего еще пережить предстоит.

– Нет, любимая, – сурово сказал юноша. – Страшное скоро кончится. Придет Красная армия и выгонит фашистов с нашей земли. И снова будут звучать песни, снова будут развеиваться ленты в девичьих волосах, когда вы будете водить хороводы.

– О чем ты, Андрийка! – Девушка вскинула голову и посмотрела на любимого с тревогой: – Выгонят одних, а придут другие. И кто лучше? Все нам чужие: и фашисты, и москали! Снова будут насаждать свои красные идеи и грабить Украину.

– Ну, какие ты глупости повторяешь, Оксанка, – засмеялся парень. – Никто нас не грабил и грабить не будет. Всегда была Россия, и всегда на этих землях народ жил вольготно и дружно. Те, кого ты москалями называешь, они ведь и Крым завоевали, и Харьков построили, и Одессу. И казаки вместе с русскими всегда сообща защищали эти земли от иноземцев. Не слушай ты своего отца и его дружков. Ерунду ведь говорят. Выпьют горилки и несут чушь.

– Не говори так о моем отце, – нахмурилась девушка. – Он за эту землю воевал, он в боях с петлюровцами был ранен, руки лишился.

– Ну, не буду, не буду, ласка моя! – улыбнулся юноша и прижал девушку к себе. – Все образуется, все равно настанет мир, и мы с тобой поженимся, и будет у нас с тобой хата. И я выучусь на тракториста и буду пахать землю, а ты с нашими детьми будешь мне приносить в поле обед. И будем мы все жить в мире...

Договорить юноша не успел. В лесу раздались один за другим три выстрела. Андрей схватил девушку и прижал к себе, с тревогой глядя на зеленую стену деревьев. И тут лесную тишь прорезал истошный, абсолютно нечеловеческий крик. Пронесся, прорезал воздух и затих, как будто захлебнулся. Оксана от ужаса вцепилась в руку Андрея ногтями так, что вот-вот на коже выступит кровь. Но юноша будто и не замечал этого. Что это? Человек ли кричал или зверь? Немцев в округе не было, только в Харькове стоял гарнизон, да западнее города торопливо строились оборонительные позиции.

Андрей отошел с девушкой под большую зеленую березу. Он чувствовал, как Оксану бьет дрожь. А через минуту метрах в ста от них на опушку выскочили всадники на деревенских

лошадях. Многие даже без седел. Их было человек двадцать, и от опушки они стали разъезжаться в разные стороны.

– Отец? – удивилась Оксана, вцепившись в руку юноши. – Это отец поскакал!

– Что же это было? – вслух произнес Андрей. – Вот что, любимая, ты посиди здесь и ничего не бойся. Только не уходи с опушки, не вставай в полный рост. А я сейчас вернусь.

– Куда ты? – Девушка продолжала держать руку Андрея.

– Я должен посмотреть, что там произошло, – заявил юноша. – Вдруг там беда, вдруг там нужна помощь.

– Нет, – заявила Оксана, – я не останусь. Пойду с тобой!

Сначала они шли напрямик, но потом Андрей сообразил, что проще будет идти той дорожкой, по которой проскакали лошади. Там наверняка деревья пореже, а может, и тропа есть и не надо будет продираться через кустарник. А еще он интуитивно понимал, что крик и выстрелы связаны с присутствием в лесу отца Оксаны и других мужчин, которые недавно проскакали здесь.

И когда Андрей вывел девушку на тропу, то сразу увидел, что там примята трава так, будто по ней что-то тащили. В нескольких местах ему показалось, что он видит на траве и листьях кровь. Местами она была скрыта пылью, поднятой копытами лошадей, но иногда он хорошо различал темные капли. Андрей не стал говорить об этом Оксане, чтобы не пугать ее. А потом они почувствовали запах чего-то горелого. Этот запах был им знаком с самого начала войны. Им приходилось бывать на пожарищах, возле разбомбленных сторевших эшелонов. За эти два года войны, за время оккупации, молодые люди видели столько трупов, что и не сосчитать. Видели в том числе и обгорелые трупы.

На полянке было сумрачно. Сюда мало проникало света от садившегося солнца. И запах лесной прелой сырости соединялся с душливым запахом горелой плоти. Оксана зажала рукой нос, но мужественно шла следом за Андреем. Юноша шел первым, глядя по сторонам, но, когда он увидел догоревший костер и человеческое тело, его едва не вырвало. Горло сдавил чудовищный спазм, в глазах на миг помутилось, но он стоял и смотрел, как будто хотел на всю жизнь запомнить эту отвратительную картину. Оксана вскрикнула и сразу же отвернулась.

– Не смотри на это! Не смотри! – зашептала она, и ее кулачки замолотили в спину Андрея.

А парень не отрываясь смотрел на тело зверски замученного человека. Это был красноармеец, в рваной форме, сквозь прорехи в которой виднелась окровавленная кожа. Он видел пулевые отверстия на бедрах и голених, засохшие потеки крови на одежде. Человеку простреливали ноги, пока он был жив. А потом бросили лицом в костер. Неужели это возможно, неужели можно до такой степени убить в себе все человеческое, чтобы поступать вот так? Можно желать всего, чего угодно: свободы, независимости, можно желать даже смерти врагам, чтобы очистить свою землю от тех, кого ты не хочешь на ней видеть... Но такие зверства? К чему, откуда такая потребность издеваться над людьми? Даже животные, хищники так не поступают. Люди вы или нет?

– И там был твой отец! – с болью, со страшной горечью прошептал Андрей, наконец, отвернувшись.

– Да, да, – замотала девушка головой. – Это страшно, это дико, но для военного времени, для времени, когда весь мир пошел друг на друга стеной, иного и быть не может. Их тоже можно понять, они ведь не за чужое, они за свое...

– За свое... Пусть за свое! – Андрей сжал лицо руками. – Пусть ты ненавидишь! Ну, убей, убивай, если есть такая потребность. Убивай в бою, убивай из-за угла, если в тебе не осталось чести! Но так-то вот зачем? Это уже не война, это... сатанизм какой-то!

– Не говори так! – со слезами на глазах отпрянула от юноши девушка и пылающим взором уставилась на него: – Это мой отец, эти люди... они... они...

– Что, Оксанка? – тихо спросил Андрей. – Что? Им плохо жилось при советской власти, их ущемляли, унижали, травили? Чего им не хватало? За что же вот так-то вот? Не понимаю...

Оксана подошла и прижалась к Андрею. Он чувствовал, как девушку сотрясает страшный озноб. И это не реакция тела или нервов. Он понимал, что его любимую раздирает внутренняя борьба. И она понимает, что есть грань между войной, какой бы она ни была бесчеловечной по своей природе, и дикими зверствами, в которых не было ни военной, ни какой другой осмысленной необходимости. Все их прошлые споры именно сейчас уперлись в необъяснимое, недоступное пониманию молодых людей явление. Да и их собственный жизненный опыт ничего не объяснял. Слишком глубока была грань между довоенным радостным, почти праздничным миром, который они помнили, и двумя годами ужаса, ада, смертей и горя.

Адъютант поставил на стол поднос с кофейником и чашками, закрыл высокое окно, задернув штору. Приказаний не последовало. Генерал Мариан Кукель сидел в кресле, с угрюмым видом вытирая лысину платком, как будто в здании царил ужасная жара. И не столько неустойчивая лондонская погода действовала на нервы польскому генералу, только недавно возглавившему вооруженные силы в изгнании, сколько сама ситуация в оккупированной Германией стране. Командовать армией, вести войну на поле боя – не то же самое, что вести войну в кабинете за тысячу километров от линии фронта. Тем более что друзья и союзники в любой момент могут оказаться соперниками и даже врагами, а вчерашний противник вдруг ринется в друзья и примется отчаянно помогать тебе. И кому верить, как верить? Как вообще принимать решения, когда ты не веришь ни единому слову собственного правительства. Проклятая политика! Спланировать и провести военную операцию легко, а вот спланировать и предсказать предпочтения и поступки политиков невозможно. Если только ты сам годами не варился в гуще европейской политики.

Полковник Януш Филипковский сидел напротив генерала в кресле. Он держался прямо, демонстрируя отменную выправку потомственного военного. На его лице нельзя было прочесть ни сомнений, ни отчаяния. Только холодный расчет и ожидание приказа, чтобы тут же приступить к действиям. Как, оказывается, можно завидовать своим подчиненным, которым чужды сомнения. Которых не касаются политические игры собственного правительства, союзников, таких как Британия, которая готова купить и предать любого из друзей, если это будет выгодно.

– Итак, полковник, вы полагаете, что Гитлер воспользуется такой возможностью и попытается дать ответ за катастрофу под Сталинградом?

– Точно так, пан генерал, – не задумываясь, ответил Филипковский. – Тут не может быть двух мнений. Слишком аппетитно выглядит этот выступ в обороне русских. И слишком очевидна переброска немецких резервов в район Курска. Тем более все это является подтверждением той информации, которой вы со мной поделились.

– Гитлера там ждет провал, – убежденно сказал Кукель. – Большой провал. Генералы Сталина не дураки. Они уже не раз доказывали, что умеют воевать. Красная армия выдержала два года страшной войны. Мы с вами знаем, насколько она была ужасна для Советского Союза. Но они выстояли. А теперь наносят один за другим удары стратегического масштаба. Здесь речь идет не о тактическом выпрямлении линии фронта, полковник! Для обеих сторон, по обе стороны фронта это стратегическая операция.

– Вы убеждены, что немцы потерпят неудачу под Курском? – спросил Филипковский.

– Этого не знает никто, – отозвался генерал. – Обе стороны приложат максимум усилий, чтобы добиться своих целей. Но у нас есть своя цель – у Великой Польши есть своя цель даже в этой битве. Германия бросит в бой все резервы, она уже сейчас стянула под Курск практически все свои танковые армады. А если Советы разгромят танковые армии Гитлера?

– Как? – удивился полковник.

– Не знаю! – резко сказал Кукель. – Но нам нужно готовиться и к такому развитию событий. Если Красная армия разгромит здесь гитлеровцев и ринется на Запад, то у немцев не будет возможности за короткий срок восстановить численность танковых армий, им негде будет взять горючее для танков. Резервы Германии истощаются, резервы покоренной Европы истощаются, вот в чем проблема, Януш.

– Значит, нам надо готовиться к новой тактике борьбы?

– Именно! Мы не должны допустить, чтобы Советский Союз в короткие сроки вышел к границам Польши. Польшу должны освободить западные союзники, на территорию Польши не должны войти советские войска.

– Но у нас не хватит сил, чтобы противостоять Красной армии, даже войска Германии с нею не справляются.

– Правильно. И поэтому наша задача использовать не только все силы Армии Крайовой, но создать условия, в результате которых украинское националистическое движение активно включится в борьбу, ударит по тылам Красной армии. И тогда Советы будут вынуждены приостановить наступление на Запад и заниматься своими тылами.

Мариан Кукель хорошо знал планы польского правительства в Лондоне. Собственно, эти планы были планами не только Польши, но и планами Великобритании и США. И в соответствии с ними Армия Крайова до поры до времени не вела активных боевых действий. Ее задачей был сбор и накопление сил и ресурсов для будущего восстания в момент взаимного истощения сил СССР и Германии. И в 1942–1943 годах, в отличие от других патриотических движений в стране, Армия Крайова придерживалась стратегии отказа от партизанской борьбы. Удивительно, но получалось, что самая большая вражда, боевые стычки подразделений Армии Крайовой происходили не с немецкими частями, а со своими же поляками – бойцами Гвардии Людовой. Другой силой, активно поддерживающей народное движение, приветствующей Красную армию и активную борьбу с нацизмом в Европе. Польскому правительству в Лондоне, а точнее, самому Британскому правительству, не нужно было коммунистическое движение в Польше. После войны там не должно прийти к власти коммунистическое правительство, ориентирующееся на Советский Союз. Этого допустить было нельзя любой ценой, пусть и ценой жизни сотен тысяч поляков. И в течение 1943 года в результате боевых столкновений было убито несколько видных командиров Гвардии Людовой.

Они встретились случайно. Сосновский увидел Машу Селиверстову, когда она выходила из парикмахерской, оправляя форменный ремень на гимнастерке и надевая, с явным сожалением, черный форменный армейский берет. Михаил остановился, любуясь спортивной фигурой девушки, которую не портила даже военная форма. Было что-то в этой спортсменке от мужской суровой силы. И не только физической, но и эмоциональной. И все же эта сила не могла скрыть то неистребимое женственное, грациозное, что в девушке изначально заложила матушка-природа.

Михаил стоял и любовался фигурой Марии, ее сильными стройными ножками, походкой. Он вспоминал ту операцию под Новороссийском, когда они искали секретную торпеду. Вспоминал минуты опасности и приятные минуты, проведенные с Машей. Нет, между ними ничего не было, кроме симпатии. Это было видно по ее глазам, по учащенному дыханию, по случайным прикосновениям рук. Наверное, так же глупо выглядел и сам Михаил в те минуты, когда подобным же образом выражал свою симпатию, но что делать, природу не обманешь, и притяжение женщины вызывает ответное притяжение мужчины. Опомившись, он согнал с лица блаженную улыбку и поспешил за девушкой. Догнав ее в самом конце улицы, Сосновский окликнул Селиверстову:

– Маша! Подожди!

Девушка обернулась на голос, и тут же на ее сосредоточенном серьезном лице вспыхнула солнышком улыбка. Эта улыбка была такой открытой и такой теплой, что и у Михаила стало тепло на душе. Обрадовалась, не забыла, вспоминала!

– Миша? – Брови девушки удивленно поднялись.

Сосновский улыбнулся, млея от осознания того, что Маша впервые назвала его именно Миша, а не Михаил, как раньше. Это говорило о многом.

– Это чудо, что мы с тобой увиделись, встретились, – сказал он и взял девушку за руку. – Немыслимое чудо на войне.

– Я рада, что ты живой, Миша, – тихо сказала Селиверстова. – Где ты, как? Хотя, глупая, о чем я спрашиваю! Мне не положено знать о вашей секретной работе. Скажи хотя бы, сегодня ты еще в Москве?

– Да, а ты?

– Я до двадцати двух ноль-ноль свободна, – блеснула Маша глазами.

Они стояли и смотрели друг на друга. И все чувства, что появились тогда, во время совместной работы под Новороссийском, снова всколыхнулись в душе. Но тут в романтику ситуации вмешалась проза военной жизни. К ним подошел военный патруль и проверил документы. Михаил взял Машу за руку и повел ее на бульвар, продолжая расспрашивать. Но через два квартала их снова остановил гарнизонный патруль.

– Миша, нам так и не дадут поговорить, – улыбнулась девушка. – Я, конечно, могла бы пригласить тебя к нам в общежитие, но...

– Но лучше не стоит, – продолжил ее мысль Сосновский. – Там нам тоже не дадут пообщаться. Есть встречное предложение: пойдём ко мне. Здесь недалеко моя квартира. Ну, не моя, конечно, квартира, которую я снимаю. В ней немножко неубрано, потому что времени заниматься хозяйством, как ты понимаешь, нет совсем. Но я обещаю, что там не будет патрулей!

Ожидаемого бардака в квартире Сосновского Маша не увидела. Там почти не было мебели: диван с высокой спинкой, покрытый коричневым шерстяным одеялом, старый круглый стол в центре комнаты, один стул и одна табуретка. На гвозде у двери висели брезентовая плащ-палатка и офицерский планшет. Окно, по обыкновению того времени, было закрыто старыми газетами.

Выгрузив на стол продукты, купленные по дороге, Сосновский хитро подмигнул, подошел к дивану и вытащил из-за его спинки бутылку грузинского вина. Они сидели и разговаривали, вспоминали, чокались, звонко ударяя гранеными стаканами. Помидоры, вареная картошка и маленький кусочек сала – не самая лучшая закуска для хорошего вина. Но Сосновскому было чем гордиться. Из планшета он извлек заветную плитку шоколада, которую неизвестно для чего берег почти месяц. Может, чувствовал, что будет вот такая встреча и шоколад окажется весьма кстати.

Приятное тепло разошлось по телу. Михаил видел глаза девушки, и весь мир казался ему таким далеким и нереальным. «Что со мной? Уж не влюбился ли я? Эй, разведчик, возьми себя в руки». Все эти мысли плавно текли в его голове, как поток теплого летнего воздуха. И не хотелось спешить, не хотелось вспоминать о войне. Вот просто так посидеть, всего несколько часов, как когда-то в 37-м, во время отпуска, последнего своего отпуска, когда он с девушкой катался на лодке по озеру и весь мир казался ему далеким. И только ее ситцевое платье, и белые носочки, и плеск воды под веслом, и ее смех.

– Миша, мы же можем никогда больше не увидеться!

Глаза девушки оказались так близко, он ощущал ее дыхание. Маша говорила тихо, но в ее голосе было столько печали, что он закрыл ее губы ладонью, заставляя замолчать. А потом накрыл их своими губами. Они целовались сначала нежно, чуть касаясь друг друга, ласкаясь губами, но потом молодость и страсть взяли свое. Сосновский начал целовать девушку жадно, горячо. Его сводил с ума ее тихий стон. И он стал ласкать ее грудь, и ремень с гимнастерки

Маши упал на пол. А потом они оказались на диване, отбросив в сторону шерстяное одеяло. И Сосновский успел подумать, что постельное белье на диване не такое уж и свежее...

Мариан Кукель, низко надвинув шляпу на глаза, сидел на заднем сиденье такси, смотрел сквозь пелену дождя на унылые улицы Лондона. Но вот город закончился, и потянулись низкие дома пригородов, поля. Слева сквозь пелену дождя в небо стал подниматься столб паровозного дыма. Машина приближалась к Ист-Молси и знаменитым теннисным кортам, где встречались во время игры, а также за столиками и за выдержанным скотчем политики, дипломаты, разведчики и бизнесмены. Многие были знакомы друг с другом еще по учебе в Кембридже. Это был своего рода клуб – клуб столичной интеллектуальной элиты. В одном из коттеджей Кукелю была назначена встреча с Кимом Филби, высокопоставленным сотрудником. Насколько удалось понять поляку, Филби был чуть ли не заместителем начальника контрразведки британской МИ-6. Кукелю было и невдомек, что Филби умышленно разрешил догадаться польскому генералу о своем высоком положении в МИ-6. И они постоянно контактировали вот уже на протяжении двух лет.

Взяв мокрый плащ у гостя, горничная проводила его в комнату с камином и сообщила, что господин будет с минуты на минуту. Генерал хмуро проводил взглядом молодую женщину и подошел к камину. Как же его раздражали эти чисто британские манеры, в которых он видел не больше чем обычную «рисовку» перед выходцами из других стран. Вот какие мы, цивилизованные, с хорошими манерами. А вы вышли из хлева, с коровами спите. Протянув руки к огню, Кукель размышлял о том, что уготовят британцы его стране после войны. Действительно ли их помощь бескорыстна? Как заманчиво было войти в единую европейскую семью, стать равными среди равных. Но что-то подсказывало генералу, что никогда ни Польша, ни другие народы Восточной Европы не станут равными для Британии, Франции, Америки. Даже эта война забудется, к немцам снова будет отношение как к равным. Даже к немцам, но не к славянам.

– Рад видеть вас, генерал, – раздался за спиной голос.

Филби стоял у двери и смотрел на поляка. Взгляд контрразведчика был, как всегда, чист и ясен. В нем была ясно видна эдакая добродушная снисходительность, которая Кукеля откровенно угнетала.

– Погода сегодня просто ужасная, даже для Лондона, – усмехнулся англичанин. – Я полагаю, что вы не откажетесь от кофе и коньяка?

– С удовольствием, – кивнул генерал. – Что может быть лучше для старого солдата, как посидеть за рюмочкой коньяка у камина в тепле.

Когда горничная принесла поднос с кофейником, Филби уже разливал по рюмкам темную жидкость, пространно рассуждая о европейской политике. Кукель вежливо поддакивал, хотя во многом не был согласен с англичанином. Не пропадало ощущение, что Филби в очередной раз прошупывает польского генерала. И как всегда, разговор вдруг круто изменил свое направление. Кукель не успел даже обдумать свои ответы.

– Вы же понимаете, генерал, что сейчас важна полная консолидация всех союзных сил в борьбе с германским нацизмом?

Поляк поперхнулся и машинально согласился: «Безусловно! Только общими усилиями можно победить врага!» Филби стал каким-то печальным. Его высокий чистый лоб вдруг пошел унылыми складками, а голос стал вкрадчивым. Он протянул руку и по-товарищески слегка похлопал поляка по локтю:

– Пришло время забыть все худое, всю вражду между европейцами. Вы правы: самый главный враг сейчас – это германский нацизм, это Гитлер.

Генерал снова машинально согласился, поскольку в словах англичанина не было ничего такого, что не соответствовало собственным мыслям и убеждениям Кукеля. А Филби продолжал говорить, то и дело задавая один и тот же вопрос: согласен с ним поляк или нет. И гене-

рал соглашался, пытаясь поддержать этот странный разговор. Он уже хотел было спросить, а для чего Филби вызвал его на эту встречу? Ведь она не будет секретом для членов правительства. Но англичанин как будто прочитал мысли своего собеседника и перешел к делу. Открыв небольшой сейф, замаскированный в стене под гобеленами, он вытащил папку и вернулся с ней в кресло.

– Здесь инструкции для вас и ваших командиров, для польской армии, – заговорил Филби. – Я передаю их сразу вам, но в этом нет никакого нарушения протокола. Мне бы хотелось, чтобы вы, генерал, ознакомились с этими инструкциями и дали свое заключение опытного военачальника. Ваше мнение будет учтено, когда дальнейшая стратегия польского правительства и польской армии будет согласовываться между вашим правительством и правительством Великобритании.

– Да-да, конечно, – солидным тоном сказал польский генерал. – Благодарю вас. Это правильное решение. Ведь никто, кроме поляков, так глубоко не понимает ситуацию в стране.

– На ваш взгляд, все поляки понимают положение в стране? – тут же ленивым тоном спросил Филби, наливая коньяк в рюмки. – Члены других патриотических движений тоже понимают? Гвардия Людова?

– Коммунисты все понимают, но они выбрали себе другие ориентиры: они стремятся к консолидации с Советским Союзом. Но это односторонний путь.

Они потягивали коньяк и беседовали еще около часа. И о раскладе сил в Польше, и о взаимоотношениях с советскими партизанами, с украинскими националистами. Генерал так и не понял, что под видом своих собственных убеждений он выдал Филби рекомендации руководства относительно ближайших событий. И когда Кукель поднялся, чтобы покинуть коттедж, и протянул Филби руку, тот вдруг смутился, хлопнул себя по лбу рукой и заговорил извиняющимся тоном:

– Прошу простить меня, генерал, я ведь вам передал устаревший вариант планов. Ах, как неудобно получилось! Что подумают о нас ваши руководители, ваше правительство? Мы поступим следующим образом, господин генерал. Я заберу планы и передам вам современные. Ну, скажем, дня через два. Вы ведь еще будете в Лондоне?

– Извините, но я покину остров завтра утром. Служба!

– Вот завтра утром вы и получите на согласование документы, – заверил собеседника Филби, снова крепко пожимая поляку руку.

Когда генерал вышел, Филби прошел в соседнюю комнату, где возле записывающей аппаратуры сидел оператор и сотрудник разведки Джон Кернкросс.

– Можешь сходить и выпить чашечку кофе, – кивнул оператору разведчик.

– Через пару минут, – сказал Кернкросс и, когда Филби уселся на освободившийся стул, спросил: – Ты уверен, что Кукель с тобой не играл?

– Нет, – качнул Филби головой. – Он просто военный, он не политик и не умеет хитрить. Я знаю его почти два года.

– Ну, что же, судя по информации из нескольких источников, ему готовят реванш. И самое главное, что информация из Берлина есть и у руководства МИ-6. – Кернкросс задумчиво погладил свои прямые английские усы.

– И наша разведка не спешит уведомлять об этом Сталина, – добавил Филби. – А планы строятся уже в том числе и с учетом варианта немецкого проигрыша на этом участке фронта. Наши аналитики считают, что курский реванш у нацистов не удастся. Получи Сталин эти сведения, и удастся избежать напрасных жертв, избежать больших потерь. Вот уже два года Советский Союз в одиночку борется с Гитлером. Все остальные делают вид, будто сражаются. Каждый выжидает, ждет момента, когда можно продать свою помощь выигрывающей стороне подороже.

– Выигрывающая сторона одна, – хмыкнул Кернкросс. – Это СССР, и Европа надеется, что в этой войне Сталин измотает силы своей армии, и тогда после его же победы будет проще с ним поделить Европу. Европейские политики полагают, что Сталин будет сговорчивее после таких потерь.

– Значит, МИ-6 не будет делиться с советской разведкой имеющимися сведениями по предстоящей Курской операции?

– Думаю, что не будет.

Несмотря на то что всем членам группы Шелестова вернули специальные звания НКВД, все награды, лишний раз появляться в военной форме на людях никому не рекомендовалось. Был момент, когда Шелестову показалось, что их работа в составе единой группы заканчивается. Уже во второй раз членов группы использовали для разных дел поодиночке. Две недели где-то пропадает Коган. Сосновский сутками торчит в Москве, не возвращаясь на базу в ближнем Подмосковье. Да и самого Максима Андреевича вот уже несколько раз дергали на Лубянку для консультаций по старым делам. И когда Шелестов собирался уже уезжать, его неожиданно вызвал Платов.

– Вот что, Максим Андреевич. – Столкнувшись с Шелестовым в дверях своего кабинета, комиссар госбезопасности взял майора за локоть и отвел к окну. – Завтра всю группу жду у себя в двадцать один ноль-ноль.

– Как мне сообщить Когану и Сосновскому?

– Никак, – коротко ответил Платов. – Сегодня все соберетесь на базе.

Бросив на Шелестова последний взгляд, Платов быстрым шагом ушел по коридору. Максим все еще стоял у окна. Такие взгляды, как он помнил, начальник на него бросал не часто. Наверное, только когда группе предстояло очень сложное или очень опасное задание. Взгляд-оценка! Как будто насквозь видел. «Значит, предстоит что-то из ряда вон выходящее», – подумал Шелестов. Нервы у Платова железные. Он и сам на смерть пойдет не моргнув глазом, и подчиненных пошлет, если надо. Разведчик высочайшего класса. Но мало иметь мужество послать на смерть, надо еще быть уверенным, что твой человек, если надо, не просто погибнет, а выполнит задание. Смерть – это уже дело второе. Она может случиться после успешного выполнения задания, может быть, и во время него, но результат должен быть обязательно.

Шелестов сел в черную «эмку» и поехал по лесной дороге, размышляя о том, какого рода задание их ждет. Он прокручивал в голове все основные и значимые события на фронтах и в тылу. Возможно, готовится что-то, о чем он еще не знает, какая-то секретная операция. Но где, на каком участке фронта от Карелии до Кавказа? На Севере ситуация на фронте стабилизировалась. Шелестов знал, что есть участки границы в Карелии, где немцы так и не смогли ее пересечь. Под Ленинградом идут тяжелые бои, но блокада прорвана, немцев жмут, и линия фронта отодвигается все дальше от Северной столицы. Непонятная ситуация на Курском выступе, но группа добыла и доставила планы немцев по контрнаступлению под Курском с целью прорыва нашей обороны и очередного выхода к Москве. Это уже известно нашему командованию. Харьковское направление? Украина? Может быть, Тамань? Ведь там еще не прорвана фашистская «Голубая линия». Наши войска готовы начать освобождение Крыма. Где?

Машина катилась по мягкой песчаной дороге, входя в плавные повороты между соснами. В лесу было тихо, пахло хвоей, и Шелестов, опустив стекло на двери, с наслаждением вдыхал лесной воздух. Группа жила на территории бывшего пионерского лагеря в Подмосковье. Вообще-то, там были какие-то склады НКВД, поэтому территория хорошо охранялась. Но группа Шелестова просто там жила, имея пропуск на территорию и занимая часть старого детского корпуса с верандой. Водопровод работал, имелся душ с большим черным просмоленным баком на крыше, вода в котором нагревалась на солнце. В лагере была и удобная спортивная площадка, которой группа постоянно пользовалась.

К этой площадке Шелестов и подъехал, увидев, что Буторин снова бежит по дорожке вокруг площадки, разрабатывая ногу после ранения. Увидев командира, Виктор остановился, пересек площадку и, усевшись на лавку на краю волейбольной площадки, принялся разминать ногу пальцами.

– Есть новости? – спросил Буторин, подняв голову.

– Как нога? – вопросом на вопрос ответил Шелестов, усаживаясь рядом с ним на лавку.

– Нормально, – проворчал Буторин. – Слушается. Так, побаливает немного перед непогодой, а в остальном норма.

– Это хорошо, что норма, – задумчиво сказал Шелестов, глядя на неподвижные верхушки дубов. – Пахнет-то как хорошо. Я с детства помню этот запах – запах дубового леса. Дача у отца была в дубовом лесу. На этом запахе и вырос. Теперь для меня этот запах – запах детства. Беззаботного, счастливого, ничего не предвещавшего. Ни страшной войны, ни глупых репрессий.

– Ты чего, Максим? – Буторин подозрительно посмотрел на товарища. – Что за разговоры, что за тоска по детству? Нашел время!

– Да это я так, – усмехнулся Шелестов. – К слову пришлось. Размышлений много в последнее время, вот мысли порой и возвращаются далеко назад. И здесь дубами пахнет. Задание нас ждет, Виктор. Какое – не знаю, но Платов ждет группу в полном составе завтра к девяти вечера.

– А Коган, Сосновский? Их где черти носят? – Буторин закончил массировать ногу, выпрямился и погладил свой седой ежик на голове. – Делом заняты или отдыхают в санатории?

– М-да, санаторий, – рассмеялся Шелестов. – Платов сказал, что Борис с Михаилом вернуться в группу. В этом смысле ничего не изменилось.

– Ты хоть какое-то представление имеешь, куда нас хотят послать и зачем? – помолчав, спросил Буторин. – Чувствуется и по сводкам, и так, по атмосфере, что дела происходят на фронтах интересные. Туго фрицам приходится. Не сорок первый год.

– Я согласен с тобой, но увы. Платов ничего предварительно не сказал. Я, пока сюда добирался, тоже все голову ломал. Пытался вычислить хоть примерное направление. Горячо сейчас везде: на каждом из фронтов, на каждом из стратегических направлений и на каждом тактическом участке. Если разобраться, то ждем мы немцев, и довольно успешно. Сейчас в основном все наши операции на фронте проводятся успешно. А немцы явно утратили боевой дух. Да и с ресурсами у них не очень хорошо. К каспийской нефти прорваться не удалось, с Кавказа отошли: испугались после Сталинграда еще одного окружения.

– Может, задание будет в нашем тылу? – предположил Буторин.

– Может быть, – согласился Максим. – С поставками по ленд-лизу тоже не все гладко. Немцы усиленно нашпиговывают маршруты своей агентурой, пытаются срывать работу. Ладно, завтра посмотрим, что для нас приготовили.

Вечерело. Столовая закрывалась, но дежурный повар сказал, что оставил порции для двух человек. Коган и Сосновский заявили, когда уже совсем стемнело. Буторин, задремавший было на своей кровати, быстро поднялся навстречу друзьям.

– Явились, пропадущие! – Он обнял Бориса, потом Михаила. – Ну, рассказывайте, где вас носило! Военную тайну раскрывать не обязательно, но, может, вы нам хоть как-то намекнете, куда нас теперь забросят.

– Пошли в столовую, – махнул рукой Шелестов. – Виктор, ты лучше сходи повара приведи, пусть разогреет ребятам ужин.

Через пятнадцать минут они вчетвером сидели в пустом зале, где когда-то было шумно от гомона детворы. Даже на стенах кое-где еще остались плакаты и кумачовые транспаранты, призывавшие пионеров быть достойными продолжателями дела старших товарищей. Коган накинулся на гречневую кашу с мясом так, будто не ел неделю. Сосновский только задумчиво

крошил хлеб и ковырял в тарелке ложкой. Максим заметил, что у Михаила какое-то странное выражение лица. Мечтательное.

– Да хрен его знает, куда нас забросят, – прожевывая пищу и запивая кашу холодным компотом, заявил Коган. – Я по большей части разбирался и консультировал по старым уголовным делам бандитов, осужденных за попытки захвата власти в ряде уездов в двадцатые годы. Появился у них кое-какой выход на Запад по этим делам, вот и привлекли меня, чтобы вспомнил, посоветовал. Я и подсказал, кто из бывших что конкретно собой представлял.

– А ты, Миша? – Шелестов посмотрел на Сосновского.

– Я? – Михаил неопределенно пожал плечами: – Я по своим старым делам помогал. Тем делам, которыми занимался в Германии, когда работал там по дипломатической линии. Кое-кто из известных немецких разведчиков объявился на горизонте. Руководство собирает максимум сведений об их связях на политическом уровне. Кто и где работал, где имел агентуру, кого вербовал, где пользовался влиянием, с кем спал, кому взятки давал.

– М-да, – покачал Шелестов головой. – Ладно, хватит гадать на кофейной гуще. Завтра все узнаем у Платова.

Глава 2

Сосновский умел рассуждать об истинной женской красоте. Он делал это очень красиво и как-то со вкусом. За несколько лет, что они проработали вместе, Шелестов сумел понять эту особенность члена своей группы. Михаил, проработавший до войны несколько лет в Германии в загранразведке под прикрытием дипломатического паспорта, выработал привычку скрывать свое настроение, свои насущные размышления такими вот абстрактными разговорами, которые в русском языке называются трепом. И роль трепача и бабника Сосновский играл умело. И «трепался» он профессионально. У него существовал даже набор шаблонов для разных собеседников, для людей с разными наклонностями. Но вот как он умудрялся одновременно рассуждать о женщинах и думать о своем, совершенно о другом, оставалось для Шелестова загадкой.

– Женщина для нас лишь инструмент своих желаний, – ведя машину, говорил Сосновский. – Мы ищем в женщине то, чего нам в данный момент не хватает, олицетворяем ее со своими потребностями. Хочется в данный момент ласки, и мы ищем ласковую и нежную. Хочется горы свернуть, вынь да положь нам подругу с характером, деятельную натуру, с которой хоть в разведку, хоть на Эверест. Хочется разнузданных интимных отношений и...

– Тебе хочется разнузданных интимных отношений? – осведомился Шелестов, сидевший рядом на переднем сиденье.

– Это я для примера, – быстро отозвался Сосновский. – О крайностях мужских желаний говорю.

Он свернул к вокзалу и сбавил скорость. Сидевший на заднем сиденье Коган хмыкнул и тихо прокомментировал:

– Бабник.

– Не-ет, – возразил Сосновский и покрутил в воздухе пальцем. – Я не согласен с такой формулировкой. При чем тут бабник? Как-то однобоко вы судите обо мне, товарищ Коган. Я не бабник, я – жизнелюб. Я прежде всего люблю жизнь. А как можно любить жизнь, не любя женщин? Они ведь часть нашей жизни, значительная часть, можно сказать, что половина ее.

Сосновский неожиданно замолчал и еще больше сбавил скорость. У входа в вокзал остановилась машина, из которой вышла женщина. К ней сразу подбежал постовой милиционер, отдал честь и сделал приглашающий жест рукой. Важная персона эта дамочка. Но не это насторожило Михаила, не это привлекло его внимание. Он увидел, как рядом остановилась еще одна машина. Открылась дверь, из второй машины высунулась рука с пистолетом, и раздалось три выстрела. Женщина упала, милиционер выхватил из кобуры «наган», но машина уже рванула с места. И тут Сосновский резко повернул руль.

От резкого удара смялось переднее крыло «эмки», заскрежетал металл. Но машина, которую протаранил Сосновский, от удара отскочила к бордюру и замерла с заглушим двигателем, прижатая к бордюрному камню. Шелестов толкнул дверь и, доставая пистолет, выбрался из машины. Водитель покоренной машины выскочил и бросился бежать, с другой стороны машины появилась женщина с пистолетом. Хлестко ударили пистолетные выстрелы. Водитель упал, а к нему уже подбегал постовой милиционер. Шелестов бросился за женщиной.

Что-то произошло важное. Чтобы в Москве, при военном положении столицы, и вдруг вот такое убийство. Явно это не бандиты и не грабители. Максим собрался было выстрелить в воздух и крикнуть женщине, чтобы она остановилась и бросила оружие, но та вдруг на бегу, почти не оборачиваясь, дважды выстрелила в его сторону. Одна из пуль пролетела так близко от головы Шелестова, что он невольно отскочил в сторону. Стрелять! На поражение! Остановившись и переведя дыхание, Шелестов поднял пистолет и прицелился. Черт, прохожие! Мак-

сим замешкался, и это спасло ему жизнь. Он успел заметить боковым зрением, что сбоку на него надвигается что-то черное.

Машина едва не сбила его с ног. Шелестов упал и откатился в сторону, больно ударившись локтем. А женщина обернулась, посмотрела ему в лицо и тут же запрыгнула в притормозившую машину. Шелестов, шипя от боли в локте, поднял пистолет, но тут мимо проехал автобус, и он со злостью опустил руку. Подбежавший Буторин помог ему подняться, разглядывая форму, не появится ли где пятно крови. Но Шелестов был цел.

– Живой? Вот это да. Среди бела дня! Запомнил машину?

– Что тут запоминать? Обычная черная «эмка», номера грязью забрызганы. Женщину в лицо я запомнил, но что толку.

Они вернулись к вокзалу, где милиция уже оцепила место преступления. Тело убитой женщины лежало на тротуаре. В двадцати шагах лежал мужчина, которого постовой милиционер так «удачно» застрелил, попав точно в сердце. Сосновский стоял рядом и покусывал губу. Шелестов, придерживая ушибленную руку, подошел к нему.

– Как ты что-то успел понять? Или ты ее знаешь?

– Нет, – покачал Михаил головой. – Наши водители просто так такие маневры не совершают. Это во Франции таксисты носятся по узким улицам исторической части города, где два велосипедиста едва разъезжаются. А наши водители – образец соблюдения правил движения. Эталон просто. А тут такой резкий маневр. Не знаю, может, интуиция подсказала.

Платов сидел за столом и сверлил недовольным осуждающим взглядом Шелестова и его товарищей. Максим только что очень подробно рассказал ему о происшествии и своей роли в нем. Платов слушал и молчал. Его пронизательные глаза сейчас излучали лишь холодное неодобрение.

– Вас что, совсем нельзя одних оставлять? – спросил он. – На замок запирают в промежутках между заданиями?

– Мы должны были проехать мимо? – скрывая раздражение, спросил Шелестов.

– Представьте себе – да! – резко парировал комиссар госбезопасности. – В нашем деле каждый выполняет свои обязанности. Вы еще вместо своего задания займитесь по пути к цели спасением на водах или кормлением бездомных кошек.

– Убийство женщины, явно не простой женщины, среди бела дня нельзя сравнивать с проблемой бездомных животных, – вставил Сосновский, но Платов так на него глянул, что Михаил сразу замолчал.

– Когда вы избавитесь от ваших гражданских штучек? – со вздохом проворчал комиссар госбезопасности. – Когда вы поймете, что война, тем более война тайная, – это простая арифметика. Счет идет на количество жизней, как это ни гнусно звучит. Вдруг, ввязавшись в это дело, вы получили бы пулю? Тогда вы сорвали бы ваше задание и принесли бы вред родине. А из-за срыва вашего предстоящего задания могут погибнуть сотни, тысячи и десятки тысяч людей. А вы кинулись спасать одного человека. И даже не спасать, а ловить убийцу, когда жертва, как это ни печально, уже все равно была мертва. Без вас бы не обошлись, конечно? Ладно, пошли к наркому.

Члены группы переглянулись. Ясно, что задание будет важным, отсюда и тот выговор, что они получили от Платова. И ясно, что задачу хочет поставить сам Берия, он хочет убедиться, что группа все поняла и осознала всю важность предстоящего задания. А если нет? А если этот поход к наркому снова закончится арестом и камерой? Думать о плохом не хотелось, но каждый прошедший через тюрьму терял доверие к власти раз и навсегда. Всегда оставался шанс, что все повторится, какими бы ни были твои прошлые заслуги.

Когда группа поднялась со стульев, Платов осмотрел всех придирчиво и только потом кивнул – пошли.

Берия разговаривал по телефону и, когда Платов вошел, махнул рукой. По знаку Платова группа расселась на стульях вдоль стены. С кем разговаривал нарком, было непонятно, но вдруг прозвучало знакомое – Коба. Да, пожалуй, единственный человек, кто мог разговаривать со Сталиным сидя, – это Берия. Остальные даже по телефону разговаривали с ним стоя. Настолько у всех был велик трепет перед этим человеком. Но Берия был знаком со Сталиным, тогда еще Джугашвили, по революционной борьбе, которую они вели в Грузии. И они с ним были на «ты», и Берия называл его Кобой – по старой революционной подпольной кличке. Сейчас Берия в чем-то убеждал Сталина, и тот, судя по интонациям, прислушивался к словам и мнению своего наркома.

Положив трубку, Берия некоторое время сидел молча, глядя куда-то в стол перед собой. Видимо, переваривал разговор со Сталиным или готовился к другому разговору. Однако этот период задумчивости был коротким. Нарком резко поднял голову и, блеснув стеклами очков, посмотрел на оперативников. Все поднялись, как по команде. Платов подошел к столу шефа, достал из папки листок бумаги и положил перед ним на стол. Берия пробежал его глазами, потом, не поднимая головы, спросил:

– Это точно?

– Пока все говорит в пользу этой гипотезы. Разрабатывать, как обычно, приходится все версии.

– Как не вовремя, – проворчал нарком и наконец посмотрел на оперативников. – Вопрос ко всем! Кому-то из вас показался знакомым тот мужчина, застреленный милиционером, или та женщина, которой удалось уйти?

Шелестов посмотрел на своих товарищей, с которыми на эту тему успел пообщаться. Он ответил за всех:

– Нет, Лаврентий Павлович. В лицо никому из нас они не знакомы. Но я хорошо разглядел и запомнил ту женщину. Я думаю, что группа должна быть в курсе событий, происходящих в Москве, даже если это напрямую не связано с нашей предстоящей задачей.

Берия снова недобро блеснул стеклами очков и посмотрел на Платова. Тот заложил руки с папкой за спину и, глядя в лицо наркому, заговорил:

– Тут Максим Андреевич в чем-то прав. Поскольку цель есть, но мы не можем пока прогнозировать весь объем задач, который встанет перед группой, то, видимо, стоит посвятить их в сложившуюся ситуацию. Полностью.

Берия поморщился, выслушав такую долгую тираду, поднялся из-за своего рабочего стола и прошелся по кабинету. Шелестов продолжал стоять, не решаясь садиться без разрешения. Он обратил внимание, как на Берия смотрит Платов. Выжидающе, оценивающе, с какой-то надеждой, видимо, на правильное решение, которое должен принять нарком. Максим уже убедился, что Берия принимает решения правильные, умеет быстро оценить ситуации. Нарком постоянно держит в голове огромный объем информации. А ведь положение на фронтах и в мире меняется едва ли не каждый день, и всю эту ситуацию нужно не просто знать, не просто владеть ею, а анализировать динамику и даже просто тенденции.

– Хорошо, Петр Анатольевич, – раздался, наконец, голос Берии. – Я согласен, что это происшествие имеет непосредственное отношение к заданию группы.

Шелестов едва не поперхнулся. Это было весьма неожиданное заявление. Платов сделал ему знак, что можно сесть, и подошел к стене, где за портьерой из плотной ткани висела карта. Он отодвинул ткань и взял с небольшой полочки лакированную указку. Берия продолжал стоять у окна и смотреть на вечернюю улицу.

– Теперь о вашем задании конкретно, – держа указку двумя руками, начал Платов. – Мы имеем данные, которые подтверждены косвенно из других источников, и прежде всего источников из Германии и Лондона. Из этих данных следует, что Гитлер не послушал своих гене-

ралов и принял решение срезать двумя встречными ударами Курский выступ позиций наших войск. Смотрите!

Платов стал показывать на карте соответствующий участок фронта между Курском и Орлом и направления, по которым немецкие танковые клинья должны будут его срезать, глубоко войдя в нашу оборону, с последующим развитием наступления на Восток, в том числе на Москву. Шелестов отметил про себя, что как раз немецкие генералы были против такого решения, они отговаривали своего фюрера от проведения операции. Значит, по их мнению, ее проводить было нельзя. Почему? Жаль ресурсов? Его предположения подтвердил Берия. Нарком подошел к карте.

– Немцы сильно рискуют, – резко бросил он. – Они стягивают сюда все свои самые боеспособные части и соединения, танковые соединения, бросают сюда свои новые машины: «тигры» и «пантеры». Весь свой зверинец. Удар будет сокрушительным, но мы вовремя разгадали замысел бесноватого фюрера. Враг встретит на своем пути такую мощную оборону, что, увязнув в ней, он не сможет на определенном этапе ни продвинуться, ни повернуть назад, ни изменить направление удара. Если мы здесь скуем их силы, перемелем в обороне, сожжем большую часть их танков, то последующее контрнаступление станет концом фашистской Германии.

Берия посмотрел на оперативников, которые выглядели удивленными, и поправился:

– Я не имею в виду, что тут же закончится война. Немцы угробят здесь все свои основные ресурсы. Танковые армии, авиацию, механизированные части, тяжелую артиллерию. Они истратят остатки топлива. Все будет брошено сюда, и все должно здесь сгореть в этом адском горниле Курской дуги. Не сможет Германия быстро пополнить свой танковый и автомобильный парк. Ресурсов уже не хватает. Танки у них высокотехнологичны, дороги в производстве. Производство энергоемкое и трудоемкое. Уже не хватает металла, не хватает присадок для танковой брони, и броня у немецких танков уже не та, что раньше, – она хрупка и низкого качества. Большая часть новейших «пантер» идет на фронт «сырыми», недоработанными. Уже имеется множество случаев остановки машин на марше, на самых коротких переходах. Каспийской нефти они не получили, производственных мощностей для выработки топлива мало. Гитлер не рассчитывал на такую долгую войну, и никто не позаботился о ресурсах на длительную перспективу. И все, что они здесь, под Курском, закопают в нашу землю, все, что мы тут им сожжем, станет их концом. Быстро пополнить ресурсы они не смогут. Да мы и не дадим им такой возможности.

Потирая руки, Берия пошел к своему столу, а Платов расценил этот жест как возможность продолжить постановку задачи группе. Он снова обратился к оперативникам:

– Ваша задача как раз и направлена на помощь нашим войскам, которые перейдут в наступление на втором этапе этой битвы. Мы имеем сведения, что националистические круги готовят базы и вооруженные формирования, которые должны ударить по нашим тылам во время нашего контрнаступления. Цель проста – замедлить наше наступление, нанести максимальный урон, не дать Красной армии в ближайшее время выйти к границе с Польшей. Западные правительства, делая вид, что стремятся к союзническим действиям, всячески стараются не пустить нашу армию в Европу. Теперь они поняли, что Советский Союз в состоянии переломить хребет фашизму. Что наша армия не остановится на границах СССР, а будет продолжать победное наступление на Запад и закончит войну полным разгромом вермахта и армий союзников Германии. Иной цели и быть не может. И Запад это понимает. Знаете, почему союзники медлят с открытием второго фронта? Второй фронт понадобится не для того, чтобы помочь нам, а для того, чтобы остановить нас. Чтобы союзные войска вышли с Запада нам навстречу. Чтобы мы встретились и обнялись с «союзниками» на территориях, расположенных восточнее. Чтобы мы не вошли ни в Польшу, ни в Германию.

– Значит, удар нам в спину готовят не только украинские националисты, – вставил Шелестов. – Значит, им будут помогать и наши «друзья», партнеры по антигитлеровской коалиции.

– Совершенно верно, Максим Андреевич. Англия активно будет снабжать их оружием и боеприпасами, снаряжением. И не напрямую, а через Польшу, через Армию Крайова, которая временно помирится с ООН. Все эти военизированные, полувоенные и военные организации лишь выжидают и являются инструментом борьбы с нами. И когда мы двинемся на Запад, они будут бить по нашим тылам.

– Наша задача? – хмуро спросил Шелестов, понимая, что четверо вряд ли смогут что-то изменить в мировой ситуации.

– Ваша задача гораздо скромнее, чем все то, о чем мы вам рассказали, – усмехнулся Платов. – Мы вас просто ввели в курс дела, обрисовали ситуацию и тенденции. Ваша же задача будет пересечь линию фронта и добраться в определенное место, которое я вам укажу. Оно в районе Харькова. В том направлении будет развиваться наше наступление. Вы должны в самый короткий срок, без консультации с нами, используя свой опыт и интуицию, внедриться в местную организацию националистов и определить места базирования вооруженных националистических групп, расположение баз вооружения. Если необходимо, то принять меры к устранению руководителей, разобщению центров принятия решений. По мере приближения фронта и после его прохождения по территории Харьковской области совместно с частями НКВД по охране тылов фронта обеспечить уничтожение боевых групп, схронов и баз вооружения. Таких групп, как ваша, будет несколько. Каждая будет работать на своем участке в полосе наступления наших армий. Но задача у вас будет общая.

– Кто эта женщина, которую сегодня застрелили возле вокзала? – спросил Сосновский.

– Это Оксана Мазур, – вместо Платова ответил Берия. – Бывшая партизанка. Прошла Гражданскую, Польский поход. Секретарь одного из райкомов партии на Харьковщине. Мы с Платовым хотели использовать ее в нашей работе, дали задание внедриться к националистам под видом яррой националистки, которая скрывала от советской власти свои убеждения, чтобы внедриться в госаппарат. Она должна была стать вашей связной, обеспечить вам легализацию на месте. Мы должны были сегодня перебросить ее под Харьков, но... случилось то, что случилось.

– Надо понимать так, – заговорил Коган, – что ее выследили националисты здесь, в Москве. Они выявили ее отношения с НКВД и убрали. А убийца скрылась, и мы ее не знаем. Из этого следует, что все контакты Оксаны Мазур на той стороне «спалились». Все, кто с ней был связан в той или иной степени, теперь на мушке у оуновцев.

– Верно, – подтвердил Платов. – И из подготовленных агентов сейчас у нас там на связи нет никого. Есть несколько контактов, но безопасность их вам придется определять самим на месте.

– С этим делом понятно, – подал голос Буторин и провел рукой по своей седой шевелюре «ежиком». – Важно другое. А как сделать так, чтобы нас не шлепнули свои же, когда придут под Харьков?

– Командиры подразделений, которые будут работать по вашему направлению при прохождении фронта, проинструктированы. Вы получите специальные пароли для опознания. Это делается не только в целях вашей безопасности, но и для максимально быстрого реагирования на предоставленную вами информацию. Командиры подразделений, которым предписывается уничтожение вооруженных групп оуновцев, должны быть уверены в достоверности информации и в том, что ее предоставляет свой человек.

Платов повернулся к Берии и спросил разрешения проинструктировать группу в рабочем порядке в своем кабинете. Нарком посмотрел на оперативников, остановив взгляд на каждом. Задумавшись, прищурился:

– Вы должны понимать, что даже когда на территорию Харьковской области войдут наши войска, вы все равно не сможете быть уверены, что находитесь в окружении своих, советских людей. Верить вам там нельзя будет никому. Не все, кто выйдет встречать Красную армию и будет ей махать руками и бросать цветы, рады ее приходу. Среди них будут и те, кто ночью достанет обрезы и гранаты и будет убивать советских людей, командиров, поджигать и взрывать. А утром снова улыбаться и выкрикивать советские лозунги. Нам еще долго предстоит выкорчевывать эту гниль, выводить эту националистическую заразу из Советской Украины. И вы положите тому начало, вы поможете отрубить гадине голову, а остальное сделают наши органы госбезопасности.

Через пять минут группа расселась на стульях возле стола Платова. Комиссар госбезопасности, шелкнув тумблером, отключил телефонный аппарат и заговорил:

– Связь, которой я вас обеспечу, можно использовать с крайней осторожностью. В связи с гибелью Оксаны Мазур возникает очень много вопросов, и пока на них нет ответов. Где-то возле нее крутился предатель. Кто он, сколько адресов, явок и паролей смог сдать националистам, мы пока не знаем. Я могу лишь как-то обезопасить вас на первых порах, дать вам более-менее надежную связь. Но в дальнейшем рассчитывать вам придется на самих себя, на свой опыт. Еще раз подчеркиваю, что задача ваша предельно лаконична и проста: установить места расположения баз вооруженных групп, мест хранения оружия, взрывчатки, снаряжения. Установить руководителей на местах. Остальное сделает войсковая операция. Но вот методы вашей работы – дело не простое, и выбирать их вам придется самим там, на месте. Так, как вы себе это представляете. Теперь слушайте и запоминайте...

Цистерны еще догорали. В небо упирались черные столбы дыма. Участок железной дороги, где было подорвано полотно, выглядел ужасающе: исковерканные рельсы выпирали как ребра обглоданного чудовища. Цистерны лежали на боку, некоторые наехали друг на друга и теперь громоздились, а по их черным бокам стекали огненные потоки горящего бензина. Бензиновая огненная река стекала в овраг, пожирая на своем пути маленькие деревья, кустарник. Взрывы прекратились, и теперь только удушливый жар, копоть и изуродованный металл говорили о том, что здесь произошло.

Немецкие каратели ворвались в деревню Березово через четыре часа после взрыва эшелона. Четыре грузовика и бронетранспортер остановились на площади у колодца. Офицер, стоявший на подножке машины, выкрикивал команды гортанным голосом и размахивал рукой в тонкой черной кожаной перчатке. Автоматчики стали выпрыгивать на землю и бегать по улицам. У многих в руках были заранее заготовленные карателями факелы. Автоматчики поджигали их и бросали на соломенные крыши деревенских хат, выбивали окна и бросали факелы внутрь. Кричали женщины, плакали дети, немногие мужики, старики, что еще оставались в деревне, пытались унять карателей, но их безжалостно расстреливали автоматными очередями. Кто-то бросался на колени, моля о пощаде, кто-то хватал голоногих детей и бежал к лесу.

Оксана смотрела широко раскрытыми от ужаса глазами и медленно стаскивала с головы веночек, который только что сплела из полевых цветов. Андрей вскочил на ноги, глядя на раскинувшуюся внизу деревню, красивую, ухоженную, с белыми хатами. И теперь она горела, чадила, улицы устилалась телами убитых жителей. Горели соломенные крыши, горели яблони, которые не так давно цвели, укутывая дворы точно белые облака.

– Ненавижу, ненавижу! – крикнул молодой человек и вцепился руками в ветку молодой осинки. – Звери, нелюди, как это вообще можно...

– Боже мой, Андрийка! – застонала девушка и сжала голову руками. – Когда все это кончится, я больше не могу. Кровь, смерть, огонь, снова и снова!

– Вот с кем сражаться надо. – Андрей не заметил, как ветка в его руках хрустнула и отломилась. – Вот! Вот враг, а не советская власть, не русские люди! Твой отец сидит по вечерам с друзьями, пьет горилку и говорит о том, что будет после войны. Они копят оружие и ждут

указаний от своего руководства, а враг вот он! Здесь, сейчас. И нечего ждать, надо биться с ним, уничтожить его. Ведь кто-то же сражается за освобождение нашей земли. Кто-то подорвал состав с бензином! У нас общий враг, Ксанка, общий!

– А вот эти люди в чем виноваты? – со слезами на глазах воскликнула девушка.

– Они не виноваты, любушка моя. – Андрей упал на колени рядом с девушкой и схватил ее руку, прижал к губам. – Ты не о том думаешь, ласочка моя! Не они виноваты, никто не виноват. Есть просто враг, который пришел на нашу землю, и его надо гнать с оружием в руках. Вот и вся правда сегодняшнего дня. А не вражда между нами здесь, на Украине. Какая разница, кто на каком языке говорит, какая разница между украинцами и русскими? Никакой! Мы славяне, у нас общие корни, мы одной крови, а они звери, которые ворвались в наш общий дом!

Было еще светло, когда Коган вошел в поселок Лисенки на окраине Харькова. Пустынные улицы, выбитые окна пустых домов, несколько торчащих из груды обгоревших бревен дымовых труб. Он прошел мимо школы со сгоревшим садом и проломленным забором. Впереди была широкая пустынная улица, и Борис свернул в переулок, чтобы не маячить на открытом пространстве.

Нужный дом он нашел на самой окраине. Дом был относительно целый, лишь часть крыши повреждена да два окна забиты досками, а изнутри заткнуты одеялом и каким-то тряпьем. Небольшой сад, заросший травой, ворота, висевшие на одной петле и одиноко красовавшиеся на фоне разломанного забора. Однако к ступеням дома вела утоптанная тропа. В целом дом не выглядел заброшенным. Коган подошел к окну и негромко постучал костяшками пальцев по запыленному стеклу, продолжая осматриваться по сторонам. За стеклом появилось чье-то бородатое лицо, потом исчезло.

Коган отошел от окна, вернулся к двери, оперся плечом о столб небольшой веранды и, покусывая травинку, стал ждать. Дверь скрипнула и открылась лишь наполовину. Борис не стал оглядываться, он с задумчивым видом продолжал покусывать травинку.

– Кого шукаешь, добрый человек? – раздался негромкий голос. – Аль водицы испить захотел?

– Да нет, дядьку. – Коган неспеша повернулся, разглядывая сухощавое лицо, поросшее черной с проседью бородой, и колючие глаза мужчины лет сорока. – Не по воду я пришел. Мне бы ногам отдых дать да душу согреть разговором.

– А какого же разговора тебе надо, добрый человек? – снова заговорил мужик, точно произнеся условную фразу, являющуюся ответом на пароль.

– А о том, сколько телят может принести корова, если ее не пускать на выпас. Думаю, два или три?

– А я думаю, что три или четыре, – хмуро разглядывая гостя, отозвался мужик. Ему явно не нравилось, что он не слышит характерного малороссийского говора у гостя.

– Три плюс четыре, итого будет семь, – произнес последнюю фразу пароля Коган и выплюнул травинку.

– Заходи. – Мужчина посторонился, открывая дверь пошире и бросая взгляд вдоль пустынной улицы.

Оставить свой вещевой мешок пришлось на лавке у входа, как об этом недвусмысленно намекнули. Осторожность лишней не бывает, тем более у подпольщиков. Коган бросил мешок, в котором звякнули две консервные банки, и прошел в дальнюю комнату за ситцевую цветастую занавеску, за которой горела керосиновая лампа.

Здесь за столом сидело трое. И Борису нужно было очень быстро понять, кто здесь в какой роли и что собой представляет. Пароль он получил от Платова, и это был пароль не советского разведчика, а представителя штаба «мельниковцев»¹, прибывшего из Праги для

---

¹ После гибели в мае 1938 года первого руководителя ОУН (Организации украинских националистов) Евгения Коновальца

координации действий. Инструкции в вещах Когана были настоящими и хорошо известными советской разведке. Таких посланников из штаба «мельниковцев» по Украине рассылалось десятки, если не сотни. Установить, кого именно и в какой район направили, было сложно, и вряд ли кто-то стал бы это выяснять, учитывая, что до начала операции оставалось уж очень мало времени.

– Леонтий Вихор, – представился крепкий плечистый мужчина, приподнявшись из-за стола и протянув лопатообразную ладонь.

– Борис, – представился Коган. – Так меня и называйте.

– А это Павло Сухорук, – кивнул Вихор на бородатого мужичка, который открывал дверь и произносил пароль. – Он у нас тут за хозяина дома. Явочная квартира, если уж говорить вашим языком.

Коган уселся за стол, поблагодарил, когда перед ним поставили миску вареной картошки и тушеного мяса. Есть ему хотелось невероятно. Он расспрашивал, сам отвечал на вопросы и уминал горячую картошку. Пару раз плеснули в стаканы «горилки», выпили за независимую Украину. Платов, отправляя группу на Украину, особое внимание обратил на речь. Он предупредил, что не надо стараться изъясняться на «украинской мове», которую, за исключением нескольких слов, никто из группы и не знал. В рядах украинской повстанческой армии были выходцы из самых разных территорий. Говорили так, кто как привык. И особых требований к применению именно украинского языка пока никто никому не предъявлял. Ну, может, за исключением самых ортодоксальных повстанцев в руководстве штаба.

Говорили в основном Коган и Вихор, да Сухорук все вставлял язвительные замечания и задавал очень много вопросов про штаб и его намерения. Двое других в основном молчали, изредка поддакивая. Коган ни на чем не настаивал и старался подать свой визит и документы не более как рекомендации штаба. Он старался больше склонить хозяев к мысли, что им здесь на месте виднее, как действовать и кого считать союзниками в своей борьбе. Но информировать представителя штаба они все же должны. Как должны и принять его посильную помощь опытного боевика.

За окнами стемнело. Один из парней, сидевший рядом с Вихором, вышел на улицу и вернулся минут через десять, доложив, что все в порядке. Видимо, проверил посты. Коган находился «в гостях» уже около двух часов, когда Леонтий, держа за ствол «вальтер», вернул ему оружие.

– С этим ты зря ходишь в городе, – кивнул он на немецкий пистолет, глядя, как Борис сует его под пиджак за брючной ремень. – Любая облава, любой патруль заметет тебя в два счета с этой машинкой. Смотря какая ситуация в городе будет на тот момент, а то могут и расстрелять вместе с заложниками, а могут и в гестапо передать. Кости переломают, и сам расскажешь все, чего и не знал. Мы за оружие беремся, только когда в бой идем. А так рисковать не стоит.

– Что, часто патрули на улицах встречаются? – осведомился Коган.

– Нет, в этой части города спокойно. Здесь не появляются. Они в основном в центре ходят, где военная администрация, казармы, офицерские кафе. А вообще в городе часто постреливают. Если услышишь, то не дергайся. Когда рядом, то лучше затаиться, а так, стреляют, ну и пусть стреляют. То, может, и не наши, может, большевичков стреляют.

Они сидели, делились планами. Коган несколько раз щегольнул фамилиями и кличками людей, близких к руководству фракцией. В целом он чувствовал доверие к себе. Оно росло. Коган чувствовал это интуитивно, как бывший следователь. Он следил за своими словами и дозированно делился «впечатлениями» от событий в других странах, рассказывал о политике

во главе организации встал его соратник Андрей Мельник. Но уже через год произошел раскол на две фракции. Вторую возглавил Степан Бандера. В результате чего стали существовать ОУН (б) по фамилии руководителя (Бандера) и собственно ОУН под руководством Мельника («мельниковцы»). Второй вариант наименования фракции Мельника – ОУН (с) или ОУН-солидаристы. Фракции находились в постоянном соперничестве, часто переходившем в открытую вражду.

Британии в отношении Польши и Украины. «Мельниковцы» с большим интересом, чуть ли не раскрыв рот, слушали Бориса. Очень им нравилось такое вот внимание Запада к Украине, поддержка против Советского Союза. Очень им хотелось ощутить свою значимость, почувствовать себя равными с другими европейскими странами. Коган говорил, рассказывал, а в душе у него поднималась горечь. Дурачки вы наивные! Вы даже не понимаете, что вас используют как разменную монету, как одноразовый инструмент, чтобы ослабить Советский Союз, чтобы создать русским еще больше проблем. Вы далеки от внешней политики, вам не хватает образования, знания и опыта, вы рассуждаете на бытовом, «кухонном» уровне. Вам и невдомек, что Запад сделает все и пожертвует всеми вами ради своих целей, выгоды, доходов, богатства. И ради борьбы с конкурентами на мировой арене, а также ради ослабления других государств.

А еще у Когана большие подозрения вызывал Сухорук – и во время долгой беседы, затянувшейся за полночь, и потом, когда уже в доме укладывались спать, он все приставал к Борису с разными вопросами о штабе «мельниковцев», о других эмиссарах, которые прибыли или могли прибыть на Украину. Расспрашивал он неумело, и тенденция Когану не понравилась. Уж кто-кто, а он, бывший следователь Особого отдела НКВД, знал толк в допросах. И когда все улеглись, кто на лавках, кто на полу, Коган стал прислушиваться.

Прошло не менее получаса. Все мужчины в доме уже храпели, а Борис продолжал лежать и прислушиваться. Выпитый самогон не действовал, мозг работал четко. И вот, наконец, послышался тихий шорох. Коган лежал очень неудобно, тело затекло, но именно эта поза позволяла ему видеть почти весь дом, не шевелясь, не привлекая к себе внимания даже простым поворотом головы. И он был вознагражден за свое терпение. Павло Сухорук поднялся и сел на своем матрасе, расстеленном на полу возле окна.

Храп в доме не изменился, никто не повернулся с боку на бок. Скорее всего, все в доме действительно спали. Где-то на улице наверняка есть охрана, пару человек оуновцы в любом случае держат снаружи. Хотя, может, и нет, может быть, этот спектакль с «проверкой постов» одним из помощников Вихора был только для Когана. Разведчик продолжал наблюдать за Сухоруком. Тот поднялся, и при слабом свете луны стало видно, что он спал не только одетым, как и почти все в доме, но и в сапогах. Сухорук неслышно открыл окно и стал выбираться. Коган дал ему возможность выбраться в заросший сад и только потом стал толкать в плечо Вихора:

– Леонтий! Проснись!

– А, что? – сразу встрепенулся оуновец.

– Тихо. – Борис сжал плечо Вихора. – Ты Сухорука посылал куда-нибудь? Или ему на пост в охрану заступать?

– Что? Никуда я его не посылал! Ты о чем?

И тут взгляд оуновца уперся в пустую постель под окном. Он проворчал что-то невнятное, поднялся, шлепая ногами по деревянному полу, подошел к окну и высунул на улицу голову. Коган подошел к Вихору и зашептал ему в ухо, старательно изображая торопливое волнение:

– Я вот только сейчас обратил внимание на то, что Павло меня подробно расспрашивал о штабе «мельниковцев», и особенно о руководителях из Лондона. И главное, все больше вопросов задавал, когда тебя рядом не было. Куда он и кому отправился докладывать о моем приезде?

– Ах ты, сучье вымя, – вдруг дошло до Вихора, и он кинулся поднимать своих помощников, толкая их и заставляя обуваться:

– Оружие, берите оружие! И свет не зажигать! Вот же гниль болотная, дерьмо свинячье!

Коган не отходил от окна. Он хорошо видел, в какую сторону пошел Сухорук, и сейчас пытался не потерять его из вида. Из тех сведений, которые передал Борису Платов, следовало, что в окружении Вихора был агент. Но заслан он был не гестапо и не абвером. Это был человек

от бандеровцев. Его следовало, как убеждал Когана Платов, найти и ликвидировать в первую очередь. Вихор был человеком необычным, со своеобразным мышлением. Были в нем задатки порядочности. Он не слыл зверем, не было в нем жестокости и жажды убивать. Он действительно, как это ни странно, хотел мира и благополучия для своей земли, своей родины и своих близких. Другое дело, что голову ему основательно запудрили и вдолбили в нее, что большим врагом Украины является не германский фашизм, а СССР. Платов полагал, что Вихора завербовать можно. И для этих целей он подготовил кое-какие документы, с которыми Вихора не сейчас, а позже следовало ознакомить, побеседовать с ним, свести с некоторыми людьми. Можно ему открыть глаза, и тогда он, может быть, станет союзником в борьбе с бандеровцами.

– Давно я на него посматриваю, Леонтий, – тихо проговорил один из мужчин. – Не нравится мне Сухорук, вот хоть режь, а не нравится. Дождались, что он в гестапо помчался? Это вот он про Бориса пошел докладывать. Такой лакомый кусочек, аж из самого штаба. Накрыть нас хотят.

– Замолчь! – оборвал помощника Вихор. – Чего теперь языком молоть. Что было, то было. Не дать ему уйти!

Коган выбрался из окна третьим и сразу стал забирать левее. Пока его новые товарищи еще не видели в темноте фигуру Сухорука, он постарался выйти к краю поля, которое уходило к лесу. Еще немного, и беглеца будет не видно. Хорошо еще, что Павло не спешил, боялся шуметь. Оуновцы рассыпались цепью и побежали вперед, почти не скрываясь. И минут через пятнадцать в тишине ночи кто-то из них крикнул:

– Вон он! Гляди влево! Павло, а ну стой! Стой, тебе говорят!

Пистолетный выстрел сверкнул навстречу преследователям. Кто-то выругался, видимо, его задела пуля или пролетела очень близко. И тут же в сторону Сухорука выстрелили сразу двое. Вихор гаркнул было, чтобы не стреляли, но тут же вынужден был упасть на землю, когда две пули прошли так близко от него, что он едва жизнью не заплатил за свою доверчивость.

И тогда Коган поднял пистолет, положил локоть на горизонтальную ветку березы и стал прицеливаться. Сухорук его не видел, он юркнул за старый дуб на краю поля и смотрел в сторону преследователей. Наверняка прикидывал, как ему удирать дальше. Терять Павло, видимо, было уже нечего. Коган мягко нажал на спусковой крючок своего «вальтера». Хлестнул выстрел, и Сухорук упал как подкошенный. Борис вышел из-за укрытия и поспешил к дереву. Оуновцы окликнули его, предупреждая, что его могут подстрелить, но потом побежали следом уже почти и не таясь.

Пуля угодила в висок Сухорука. Он лежал на боку и с открытыми глазами, продолжая держать в руке пистолет. Под его головой растеклась большая лужа крови. Кто-то из оуновцев пнул его:

– Собаке собачья смерть! Бог наказал Иуду. С такого расстояния только случайно можно из пистолета попасть или по божьему промыслу.

– Это точно, – засовывая «вальтер» за ремень, согласился Коган. – А тело оставлять здесь нельзя. Надо, чтобы Сухорук исчез и подозрений чтобы не было, что это вы его...

Он присел и стал обыскивать убитого. Странно, что молчал Вихор. Может, не верилось ему в предательство Сухорука, как верилось его помощникам. А может, доверия стало меньше к гостю из штаба. Слишком хороший выстрел, слишком все как-то складно получилось. Но когда Коган достал из внутреннего кармана пиджака беглеца небольшой пакет, перетянутый бечевкой, сомнения рассеялись. Это были переписанные от руки приказы и распоряжения, которые поступили «мельниковцам» от руководства, а также рекомендации, которые привез сам Коган. Их Сухорук тоже сумел украсть. Вот почему он так отчаянно отстреливался. С таким «грузом» улик ему было не отвертеться.

Глава 3

Сосновский медленно шел по железнодорожной платформе, заложив руки за спину. На его лице застыло брезгливо-спесивое выражение представителя высшей расы, временно вынужденного прозябать в неблагоустроенности и антисанитарии чуждой ему земли, обстановки, культуры. И вообще по его лицу было понятно, что сейчас майору Франку Дункле приятнее было бы идти по Монмартру в Париже, а не по пыльной разбитой железнодорожной платформе Харькова.

Документы у Сосновского были относительно надежные. Их обладатель месяц назад попал в плен на Восточном фронте в районе Белгорода. Он попал в руки советской разведгруппы, поэтому в результате допросов у Сосновского были не только настоящие документы, но и довольно приличная легенда. Немного подводила фотография, на которой лицо обладателя было несколько полнее, чем у Сосновского. Но обычно на такие нюансы в военное время особого внимания не обращают. Фото делалось два года назад, а за два военных года человек может измениться, порой довольно сильно.

Двое суток торчать на перроне – это самоубийство, учитывая, что здесь, в районе вокзала, патруль на патруле. Но у Михаила еще до войны был огромный опыт работы за границей. Он умел видеть многое, не выдавая своего интереса и не крутя беспрестанно головой из стороны в сторону. Он умел исчезать и появляться на улице, не привлекая к себе внимания. Единственное место, где можно встретить генерала, – это вокзал. Можно, конечно, встретить генерала возле одного из штабов в городе, но торчать там или маячить на улице возле подобного рода заведения было нельзя. «Сторишь» в два счета! И чтобы выйти на нужного ему человека, Сосновскому нужен был другой генерал. Любой. Ведь в чужом городе, куда ты прибываешь, ты ищешь свою компанию, свой круг общения. Не с лейтенантами же тебе пить коньяк!

К концу второго дня Сосновский понял, что нужно менять тактику. Генералов не находилось, и придется ему заводить дружбу иного характера с офицерами помладше. Например, можно выручить из беды кого-то, кто имеет отношение к нужному ему генералу. Чтобы устроить какому-то фашистскому офицеру «беду» в таком небольшом городе, как Харьков, нужны помощники. И значит, придется выходить на подполье. А этого делать Платов как раз не рекомендовал – слишком высока была вероятность, что в подполье засел враг, провокатор, агент гестапо или оуновцев.

Генерала он увидел сразу, как только свернул к лестнице, ведущей на привокзальную площадь. Невысокий, с орлиным носом и кустиком модных усиков под ним. Генерал стоял, то и дело дергая шеей в удушливо-узком воротнике френча, и нервно притопывал ногой. Рядом стоял черно-белый «Мерседес» с открытым верхом. Из-под поднятого капота виднелся объемистый зад водителя. Ситуация была очевидной и вполне понятной. Сосновский улыбнулся и, убыстряя шаг, двинулся к генералу. План созрел в голове мгновенно. Запыленная машина – значит, генерал только что приехал в город, полонка – он раздражен, ломаются его какие-то планы, и он ищет выход, какое-то решение. Еще немного, и генерал остановит патруль и прикажет вызвать себе машину из комендатуры. А, так у него еще и спичек нет!

Сосновский увидел, как генерал сунул в рот сигарету и безуспешно пытался прикурить, но зажигалка в его руке упорно не хотела загораться. Михаил достал свою зажигалку, подошел к немцу и, козырнув, вежливо спросил:

– Господин генерал, могу я предложить вам свою помощь?

Генерал смерил взглядом высокого статного майора в опрятном обмундировании. Он прикурил от зажигалки Сосновского, выпустил вверх струю дыма и осведомился:

– Вы давно здесь, майор? Или вы служите в комендатуре?

– Майор Франк Дункле! – представился Сосновский и боднул головой воздух, как того требует этикет. – К вашим услугам, господин генерал. С вашего позволения, нахожусь в краткосрочном отпуске после ранения под Белгородом. Просил разрешения командования провести отпуск здесь, в Харькове. Хочу найти могилу моего старого друга, с которым вместе воевал в Бельгии и во Франции.

– Вот как? – Генерал с интересом посмотрел на майора. – Но я вас понимаю. И у вас нет семьи, или память о боевом товарище вам важнее, и вы не поехали навестить близких?

– Увы, господин генерал, – грустно улыбнулся Сосновский. – Я вырос в доме моего дяди, но он умер еще в тридцать пятом. С тех пор мой дом – армия, а мои близкие – это мои боевые товарищи.

– Вы достойный человек, майор, – похвалил Сосновского немец.

– Благодарю вас, – сдержанно сказал Михаил и склонил голову. – Могу я что-то для вас сделать, господин генерал? Вы в дороге, устали, а тут, я вижу, вас подвела машина. И могу поклясться, что вы голодны. Если вы не против, то я мог бы проводить вас в уютный подвальчик неподалеку, где приличная местная кухня. А еще там подают восхитительный ягодный морс, а если пожелаете, то и аперитив. Я здесь несколько дней, но почти каждый вечер провожу там. Очень опрятно, обслуживают вежливые люди. Господа офицеры местного гарнизона там бывают часто.

– Вы так аппетитно рассказываете, майор, что мне уже захотелось посетить этот ваш волшебный подвальчик, – засмеялся генерал. – Вы правы, у меня с утра во рту не было ничего, кроме дыма моих сигарет, а от курения я переполнен горечью и скоро начну срываться на собственном денщике. Ведите меня, я с удовольствием принимаю ваше приглашение.

Через двадцать минут Сосновский и его новый знакомый вольготно расположились за столиком возле окна. Из парка тянуло запахом свежей зелени и полевых цветов, несмелый ветерок колыхал занавеску на окне, а аперитив на березовом соке очень нравился генералу. Подвернувшийся патруль генерал отправил в комендатуру и велел прислать за ним машину к 19 часам. А заодно принять меры к починке его машины.

Генерал заметно захмелел. Он уже называл Сосновского просто Франком, много рассказывал о своем поместье в Зетале на берегу озера Кимзе. А Сосновский рассказывал веселые истории о своих романтических приключениях на ночном Монмартре, где поют и играют простые музыканты. Михаил сознательно избегал тем, связанных со службой или с Восточным фронтом. Важно было не пробудить подозрения насчет себя. Ведь случайный знакомый, и сразу расспросы, это ведь подозрительно, тем более на оккупированной территории. Единственное, о чем Сосновский говорил с сожалением, – это о том, что здесь не удастся собрать приличное общество. А он ведь привез с собой из Парижа настоящее хорошее вино, из лучших сортов винограда, изготовленное в Провансе.

– Ничего, Франк, – генерал покровительственно похлопал майора по руке, – будет приличное общество. Я уверен, что здесь, в этой дыре, мы найдем приятных людей, культурных и состоятельных, с которыми можно хорошо выпить и провести в умных беседах вечер.

«Ну что же, – размышлял Сосновский, проводив взглядом машину, которая увозила генерала. – Вот и сделан первый шаг на пути к цели. Значит, обещаете собрать приличную компанию, господин генерал? Значит, как только прибудет нужный мне человек, он тотчас попадет в список ваших друзей, нашего с вами избранного общества».

Два молодых лейтенанта, проходя в дверь ресторана, бойко козырнули, вытянувшись перед майором. Сосновский ответил небрежным движением руки, поднеся ее к фуражке.

Буторин бежал, демонстративно выписывая круги, изображая зайца, улепетывающего от лисы. Два выстрела были сделаны в сторону. От одной пули разлетелось стекло заброшенного дома, вторая выбила искры из каменной стены. В ночи это было очень красиво, но любоваться таким зрелищем было некогда. Буторин выстрелил назад, задирая ствол пистолета повыше,

потом еще дважды нажал на спусковой крючок и свернул в переулок. Все, на этом лимит фантазии был исчерпан. Если не сработает, то рисковали зря. Вполне реально сейчас нарваться на немецкий патруль или вообще на группу мотоциклистов, которая устроит в этом районе ночную облаву. «Хотя нет, – отдышавшись за углом, подумал Виктор. – Немцы в городе ночью воевать не любят, когда ничего не видно и неизвестно, кто с кем и зачем стреляет».

Ладно, хватит на сегодня. Побегали, и будет. Буторин опустил голову и вытер потный лоб рукавом. И именно в этот момент в ночи грохнул очередной выстрел, и пуля ударилась в кирпичную стену в паре десятков сантиметров от его головы. Виктор выругался в полный голос, отшатнулся и, присев на корточки, стал всматриваться в ночную улицу.

– Вы что там? Охренели? – проворчал он. – Договорились же, три квартала, и все.

Но где-то совсем недалеко затопали ноги, потом шаги затихли, и чей-то властный голос приказал:

– Посмотри до конца улицы, а ты в том переулке. Где-то здесь он, бегун этот. По ногам стрелять! Живым взять!

«Кто такие? Явно не немецкий патруль, явно не гестапо! Вот задача, – подумал Буторин, приглаживая седой ежик на своей голове и озираясь по сторонам. – Черт, ночь безлунная и ничего не видно. Бежать или сдаваться, отстреливаться до последнего или все же не убивать никого? Перестрелять я их могу и в темноте, пусть только сунутся поближе. Вопрос в том, надо ли их убивать?»

По легенде, Буторин после шумного преследования и в простреленном пиджаке (дырку в нем сделали свежую, она еще пахла порохом) явится по нужному адресу и попросит укрытия. А теперь? Разобраться бы, кто это, прежде чем принимать решение! И Буторин, низко пригибаясь, бросился на другую сторону улицы, чтобы скрыться в развалинах. Оттуда, если подняться повыше, можно попытаться разглядеть преследователей. Но выполнить задуманное Виктору не удалось.

Мелькнувшая перед ним темная фигура заставила отпрыгнуть в сторону, к разбитым кирпичам, но тут же появился второй человек. В темноте ярко полыхнул огнем пистолетный выстрел. Буторин всем нутром почувствовал, как близко от его ноги ударилась в камни пуля. Еще пара сантиметров, и ему бы раздробило кость. Разведчик еще не принял решение: делать вид, что сопротивляется, или бить насмерть. Но эти потерянные секунды оказались критическими. И когда он поднял пистолет, то получил сильный удар по голове. Оружие выбили из его руки. Как эти люди ориентировались на темной улице, было непонятно. На Виктора навалились сразу несколько человек. И сдвинуть с себя, сбросить двести с лишним килограммов ему не удалось. Его схватили за руки, силой вывернули их за спину и стали стягивать какой-то бечевкой. Буторин попытался ударить ногой наугад, но удар пришелся в пустоту, зато его ногу больно прижали коленом к камням, а на затылок обрушился такой удар, что из глаз разведчика полетели искры, и на какое-то время он провалился в мутную пелену на грани бессознательного состояния.

Виктор чувствовал, как его обыскивают. Он ощущал и понимал все, но не мог пошевелиться, руки и ноги не слушались. «Главное, не спешить, – говорил себе Буторин. – Сейчас все пройдет. Черт, вот это меня долбанули по голове. Не проломили бы череп, хотя кровь вроде не течет. Нет, просто сильный удар и шишка у меня там в полголовы сейчас. Документы, документы нашли, это хорошо. Сразу много вопросов возникнет. А когда много вопросов, то это значит, что меня не пристрелят, а будут эти вопросы задавать. Ну, тогда и поговорим, товарищи, или как вас там».

На какое-то время дурнота навалилась снова, и Буторин почти провалился в обморочное состояние. Но потом ему в лицо плеснули холодной водой, и стало легче. Он облизнул мокрые губы и сразу почувствовал, что хочет пить, просто дикая жажда. Он открыл глаза, щурясь от света керосиновой лампы, которую кто-то поставил рядом на табурет. Оказывается, Виктор

лежал на полу на старой соломе. Его руки не были связаны, и это обнадеживало – значит, есть надежда на диалог. Перед ним сидел на втором табурете мужчина с узким длинным лицом и тонкими губами. Очки в круглой оправе тускло поблескивали. В руках он держал листы бумаги, пробегая глазами текст. Полувоенная одежда, френч, кажется польский, но без знаков различия. И мягкая фуражка немецкого образца. Такие егеря носят. Партизан, точно не подпольщик. Подпольщик не станет выделяться такой одеждой. А у этого вон и ремень офицерский, и кобура с пистолетом на немецкий манер – слева на животе.

– Кто ты такой? – холодно спросил незнакомец. – Партизан? Военная разведка?

– А ты кто такой? – Буторин медленно, чтобы не вызвать чувства тревоги у очкастого и двух других, которые сидели неподалеку, поднял руку и потрогал голову. – Гестаповец, что ли? По-русски чисто говоришь.

Незнакомец оторвал взгляд от документов и с интересом посмотрел на пленника. Теперь он внимательно осмотрел лежавшего перед ним человека, взглянул в глаза. Потом все же ответил:

– Нет, мы не гестапо, мы, скорее, наоборот. А вот ты от кого убежал, да еще так отстреливался? От наших?

– Я не знаю, кто тут ваши, а кто нет. Но если от «ваших», ты, думаю, легко это выяснишь. Связь-то у вас есть. И я хоть узнаю, от кого бежал. В темноте не больно-то разберешь.

– Ну, кто ты? – Очкастый выпрямился и посмотрел уже нетерпеливо.

– А вы кто такие? – упрямо ответил вопросом на вопрос Буторин.

– Мы ведь можем и по-другому спросить. И ты расскажешь все, что знаешь и что не знаешь.

– А вам зачем мое вранье? Вам же правда нужна, а ценнее всего правда, рассказанная с желанием. Поэтому я предпочитаю равноправный разговор. Ты же не знаешь ничего, хоть вы меня и обыскали. А вдруг я сейчас подниму ногу и каблуком топну, и крышка всем нам здесь будет. Вдруг у меня там взрывчатка в каблуке.

Очкастый замер и машинально бросил взгляд на ногу пленника, которую тот чуть приподнял. Двое его помощников моментально поднялись с лавки у стены. Они готовы были не столько кинуться на пленника, сколько броситься к выходу. «Интересно было бы посмотреть, – подумал Буторин с иронией, – как они будут толкаться у выхода, ведь дверь-то открывается внутрь». Но очкастый быстро сообразил, что пленник блефует. После ночного бегания по городу под пулями утверждать, что тебе достаточно топнуть каблуком, чтобы взорвать гранату в каблуке, – нелепо и даже глупо. Буторин сообразил, что его собеседник все понял, и рассмеялся ему в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.